

ЗАМЕТКА

< О ПЕРЕВОДЕ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ >

При переводах вообще и в особенности при переводах древних писателей надобно поступать осторожно. Верность — вот достоинство переводчика, но она вполне соблюдается только там, где она не доходит до рабства (рабство всегда и везде вредно) и не производит темноты; в противном случае, даже и цель: перевести верно — не достигается, ибо для читателя пропадает сам переводимый автор, как скоро перевод, от рабской верности, становится темен и непонятен. Но есть другая беда и гораздо важнее: переводимый писатель передается понятно, просто и естественно, но эта простота и естественность взята с характеристическим оттенком из окружающего современного быта, из *нашего* времени, *нашей* народности. Читатель из такого перевода выносит впечатление не отдаленной эпохи, не оригинальной жизни иного самостоятельного

народа (как бы следовало); напротив, ему невольно кажется, что все это люди знакомые, *свои*. Читателю, пожалуй, с одной стороны, очень приятно, ибо ему тогда дух эпохи и автора становится как бы совершенно понятен, получает особенную современную живость и выражение. Но *так ли* он понимает этот дух, если понимает его из своего времени, из своей нации? Мы видели, до какой крайности могло доходить это направление, в переводе «Илиады» Гомера г. Ордынским¹, — труде почтенном, как всякий труд, но сделанном под ошибочным взглядом. — Нам дорог наш народный образ, дорога наша народная одежда, которую носит и теперь русский народ: но мы не станем рядить Ахиллеса² в зипун и в сапоги с напуском. Между тем зипун нам знакомее хламиды³, и Ахиллес был бы, кажется, в этом виде к нам ближе, — однако же в сущности дальше от нас, ибо приближение это обманчиво. Нет, при переводе сочинение и вместе автор должны быть удержаны на том расстоянии времени и народности, на котором они в действительности находятся; в противном случае, понятность и естественность перевода хуже натянутой верности, доходящей до темноты. Впечатление неясное лучше, чем впечатление ошибочное. <...>